

Н.А. Власов (Санкт-Петербург)

МОГ ЛИ МАРШАЛ БАЗЕН СПАСТИ ФРАНЦИЮ? ПЕРСПЕКТИВЫ ПРОРЫВА РЕЙНСКОЙ АРМИИ ИЗ МЕЦА В СЕНТЯБРЕ 1870 ГОДА

МОЛНИЕНОСНЫЙ РАЗГРОМ французов стал в 1870 г. полной неожиданностью для большинства наблюдателей. Активные боевые действия начались в первых числах августа, а уже 2 сентября половина императорской армии во главе с Наполеоном III капитулировала в Седане, а вторая половина была блокирована в Меце без какой-либо надежды на помощь извне. Эти успехи ошеломили даже победителей. «Кто бы мог поверить, что столь высоко перевозносимую французскую армию удастся так быстро победить! — писал граф Гатцфельдт жене с театра военных действий. — Они не одержали ни одной победы, даже ни одного успеха! Если бы кто-нибудь предсказал подобное, ему бы не поверили»¹.

Однако Франко-германская война на этом не завершилась. 4 сентября в Париже произошла революция. Революционное правительство заявило о готовности продолжать сопротивление и начало принимать энергичные меры по созданию новой, республиканской армии. В этой ситуации блокированные в Меце французские корпуса вновь приобретали важное стратегическое значение.

До войны Мец считался одной из самых мощных крепостей, какими располагала Франция. Город был окружен цепочкой фортов с тяжелой артиллерией — правда, строительство некоторых из них к лету 1870 г. не было завершено. После первых приграничных сражений в начале августа именно к Мецу отходила северная группировка французской армии. 12 августа Наполеон III назначил главнокомандующим маршала Франсуа Ашиля Базена — народного любимца, начинавшего свою военную

службу рядовым и участвовавшего во всех войнах, которые вела Франция в середине XIX в. Хотя формально маршалу подчинялась вся императорская армия, фактически в его распоряжении находились только пять корпусов (2-й, 3-й, 4-й, 6-й и гвардия) в районе Меца.

13 августа император приказал Базену отступить на запад, чтобы впоследствии соединиться с остальными корпусами, сосредотачивавшимися в районе Шалона. Отступление, однако, развивалось медленно, и в ходе трех последовательных сражений 14–18 августа 1-й и 2-й немецким армиям удалось преградить французам путь отхода из Меца. Базен в этих битвах действовал крайне вяло и пассивно, больше всего опасаясь быть отрезанным от крепости и разгромленным в чистом поле. В результате он раз за разом упускал шанс нанести своему противнику чувствительное поражение, что впоследствии заставило многих подозревать его в сознательной измене. В последних числах августа пять корпусов Рейнской армии численностью более 170 тыс. человек оказались заперты в Меце. Их блокировали семь немецких корпусов, примерно равные им по численности.

Естественно, перед командованием Рейнской армии со всей остротой встал вопрос о дальнейших действиях. Создавшееся положение рассматривалось как сугубо временное, и 26 августа была предпринята первая попытка прорыва. Однако операция по ряду причин была отменена, даже толком не начавшись. 31 августа была сделана более серьезная попытка — Рейнская армия пошла в наступление по правому берегу Мозеля на север, в направлении Тьонвиля. Битва, получившая название сражения при Нуасвиле, началась вечером и продолжилась утром следующего дня. Несмотря на значительное численное превосходство и локальные успехи, французы так и не смогли прорвать немецкую оборону — во многом потому, что командование опять действовало не слишком энергично. После получения известий о капитуляции при Седане маршал Базен и вовсе занял выжидательную позицию. В течение следующих шести недель французы предпринимали лишь отдельные вылазки, чтобы тревожить неприятеля. Только в середине октября, когда продовольствие в Меце стало подходить к концу, на повестке дня оказался вопрос о том, не следует ли ради спасения чести армии предпринять последнюю отчаянную атаку на вражеские позиции. 10 октября на военном совете было принято компромиссное решение: начать

с немцами переговоры, а в случае их провала идти на прорыв. Однако в конечном счете все командиры корпусов высказались против бессмысленного кровопролития.

26 октября командование Рейнской армии приняло принципиальное решение о капитуляции. Три дня спустя ее солдаты сдались на тех же условиях, что и их товарищи под Седаном: они отправлялись в плен в Германию, офицерам было разрешено сохранить шпаги. Базен отказался от предложения немцев организовать почетную церемонию выхода войск из крепости с оружием; он не хотел показываться на глаза своим солдатам и после подписания капитуляции сразу же отправился к немцам². Этот поступок окончательно поставил крест на его репутации. Всего в плен сдались 173 тыс. солдат и офицеров³. Что было еще важнее, немецкая блокадная армия высвободилась для действий против новых республиканских корпусов — как раз вовремя для того, чтобы добиться окончательного перелома в ходе войны.

В этой ситуации неудивительно, что в послевоенной Франции маршал Базен был назначен на роль одного из главных виновников катастрофы. Его обвиняли в сознательной измене; его действия стали предметом парламентского расследования, а в 1873 г. маршал предстал перед военным судом. В итоге обвинение в сознательной измене с Базена было снято, однако он был признан виновным в нарушении воинского долга, лишен всех званий и приговорен к смертной казни. Последняя была решением президента республики — маршала Мак-Магона, попавшего в плен при Седане — заменена двадцатилетним тюремным заключением. Впрочем, уже в следующем году Базен бежал из заточения и до самой смерти в 1888 г. проживал в Мадриде.

Во французской военной истории маршалу Базену было уготовано столь же незавидное место, что и впоследствии маршалу Петэну. Его имя надолго стало символом позора и некомпетентности. Насколько оправданным является этот строгий приговор? Безусловно, действия Базена не несут на себе ни малейшего отпечатка полководческого таланта. Тем не менее, находившаяся под его командованием Рейнская армия принесла Франции заметно больше пользы, чем Шалонская армия, капитулировавшая при Седане. Нанеся противнику значительные потери в сражениях 14–18 августа, блокированные в Меце войска на протяжении двух месяцев сковывали почти 200-тысячную немецкую группировку, держа ее в постоянном напряжении и оставаясь

для нее практически неуязвимыми. В результате в сентябре — октябре 1870 г. германская армия во Франции оказалась фактически разделена между двумя городами, которые она блокировала — Мецем и Парижем. У германского командования не было свободных сил для того, чтобы помешать формированию в неоккупированной части Франции новых массовых армий. Очевидно, что группировка Базена сыграла хоть и пассивную, но важную роль в военных действиях этого периода. Как справедливо отмечает современный немецкий исследователь, «каждый день, в течение которого Рейнская армия продолжала держаться в Меце, (...) был днем, выигранным для Парижа»⁴.

Однако действительно ли сковывание немецких сил было оптимальным вариантом действий Рейнской армии? Могла ли она, прорвав блокадное кольцо, нанести противнику гораздо больший ущерб? Этими вопросами исследователи — в первую очередь, военные — стали задаваться практически сразу после завершения войны. Князь Гогенлоэ-Ингельфинген в своих «Письмах о стратегии» сообщал, что в прусской армии прорыв Базена из Меца стал предметом масштабной военно-штабной игры, показавшей его принципиальную выполнимость⁵. В дальнейшем альтернативный сценарий событий в районе Меца в той или иной степени рассматривался практически каждым, кто писал историю Франко-германской войны. А в 1896 г. известный военный писатель Г. Кунц опубликовал целую книгу под названием «Мог ли маршал Базен в 1870 году спасти Францию?»⁶ На свой вопрос он отвечал «утвердительно с определенными ограничениями»⁷, а нежелание Базена рисковать приписывал в первую очередь политическим соображениям — стремлению сохранить армию в качестве важного козыря на возможных мирных переговорах.

На наш взгляд, было бы интересно ответить на поставленный Кунцем вопрос с позиций современной исторической науки, в том числе с учетом сложившихся методов изучения исторических альтернатив⁸. В данном случае имеет смысл опереться на принципы, сформулированные исследователем Р.Н. Лебоу в его работе «Запретный плод»⁹. Первым из них является реализм: изменения, необходимые для получения альтернативного результата, должны быть реалистичными и по возможности минимальными. Мы не можем всерьез исходить из предположения о том, что французская армия была способна претерпеть мгновенные и радикальные изменения, которые кардинально отразились бы

на ее боеспособности. Следовательно, нужно учитывать, что все реальные достоинства и недостатки, которые она демонстрировала в августовских боях, будут свойственны ей и в процессе гипотетического прорыва.

В первую очередь следует задаться вопросом о том, что могло заставить командование Рейнской армии пойти на прорыв. Изменилась бы, к примеру, ситуация, если бы в бою 16 августа Базен был убит шальной пулей, и его место занял один из корпусных командиров — Лебёф или Канробер? На основании имеющейся информации можно сформулировать практически однозначный вывод о том, что это не сделало бы французское командование более энергичным. Командиры корпусов Рейнской армии неоднократно проявляли ту же пассивность и осторожность, что и их командующий; это особенно хорошо заметно в сражении 16 августа, где маршал Лебёф (3-й корпус) и генерал Ладмиро (4-й корпус) имели прекрасную возможность разгромить левый фланг значительно уступавшей им немецкой группировки, однако не воспользовались этим. На военных советах в Меце, где обсуждались вопросы прорыва, участники также практически единогласно высказывались в пользу того, чтобы остаться в крепости, выдвигая при этом самые различные аргументы — от нехватки артиллерийских снарядов до низкого боевого духа солдат. Раз за разом генералитет Рейнской армии предпочитал временную безопасность внутри укрепленного лагеря риску прорыва.

Это ясно показывает, что главная проблема Рейнской армии заключалась не в ее командующем. Базен был типичным представителем офицерского корпуса Второй империи. Безынициативность, осторожность, склонность к пассивному ожиданию приказов раз за разом демонстрировалась французскими офицерами всех рангов в августовских сражениях. «Разумному, смелому, хотя впрочем подчас едва ли не заносчивому почину частных немецких начальников, — писал К.М. Войде, — французы как в общем, так и в частности умели противопоставить только рутинную пассивность, всегда выжидавшую толчка извне»¹⁰. Скорее всего, только «толчок извне» — поступивший в Мец категорический приказ о прорыве — заставил бы командующего Рейнской армией атаковать немцев.

Однако предположим, что такой приказ — или некое иное обстоятельство, сделавшее прорыв настоятельной необходимостью — действительно имел бы место. Присутствовали у Рейнской

армии шансы на успех? Отвечая на этот вопрос, нужно помнить, что для успешного прорыва необходимо было не только проделать брешь в обороне окружавших Мец немецких корпусов, но и провести через эту брешь всю армию, оторваться от преследования и достичь района, где французские части могли бы в безопасности отдохнуть и перегруппироваться.

В связи с вышеизложенным очевидно, что такой прорыв не мог быть предпринят в последние недели перед капитуляцией. Поголовье лошадей в Рейнской армии к октябрю снизилось настолько, что не позволяло полноценно использовать кавалерию и артиллерию, не говоря уже об обозе. Да и сами солдаты были в значительной степени истощены в результате недоедания, и их способность выдержать форсированные марши с боями была под вопросом. В результате единственной целью атаки на немецкие позиции мог стать не прорыв, а спасение чести Рейнской армии, славная гибель с оружием в руках и максимальным ущербом для противника. Таким образом, свои размышления о возможном прорыве мы должны ограничить хронологическими рамками конца августа — начала октября 1870 г.

Вторым аспектом, который необходимо учитывать, были природные условия. Мец расположен на обоих берегах реки Мозель; соответственно, обеим армиям для сосредоточения сил приходилось активно пользоваться мостами. Хотя и немцы, и французы строили дополнительные переправы, эта ситуация давала явное преимущество Рейнской армии. Несколько мостов в самом Меце позволяли французам осуществлять маневр силами быстрее, чем это делал их противник. С другой стороны, расположение города в речной долине позволяло немецким наблюдателям с окружающих возвышенностей достаточно хорошо видеть передвижения французских войск. Однако помешать этим передвижениям немцы не могли — форты крепости удерживали их полевую артиллерию на почтительном расстоянии, обеспечивая корпусам Рейнской армии достаточное пространство для развертывания. Еще одним фактором, влиявшим на действия обеих армий, были постоянные дожди, шедшие в сентябре в районе Меца. «Ты не представляешь себе, какая здесь погода, — писал прусский майор Кречман жене 9 сентября. — Канавки для стока воды превратились в бурлящие потоки; лошади с трудом вытаскивают ноги из глубокой глины. При этом холод такой, что хочется затопить печь»¹¹. Французы, имевшие возможность укрыться в городских

постройках, страдали от непогоды несколько меньше, чем их противники. Однако стремительному прорыву дожди, размывавшие все окрестные дороги, явно не способствовали.

В каком направлении мог быть осуществлен прорыв Рейнской армии? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо, в первую очередь, рассмотреть дислокацию немцев. В состав блокадных сил вошли 1-я и 2-я немецкие армии под общим командованием принца Фридриха Карла (I–III, VII–X корпуса); их численность составляла первоначально около 150 тыс. человек и постепенно была доведена до 180 тыс. Общая протяженность блокадного кольца составляла около 50 км¹². Как уже было сказано выше, запертые в Меце французские силы также насчитывали около 180 тыс. солдат и офицеров, однако в это число входило около 25 тыс. больных и раненых¹³. Немецкое командование исходило из несколько меньшей численности Рейнской армии, но понимало необходимость концентрации сил на решающем направлении. Пока под Парижем оставалась боеспособная армия Мак-Магона, таким направлением, безусловно, являлось западное. В связи с этим Мольтке 19 августа приказал сосредоточить на левом берегу шесть корпусов, оставив на правом лишь один корпус и резервную дивизию, которые должны были в случае наступления противника уклониться от боя¹⁴. После Седана была произведена перегруппировка немецких сил, сделавшая их распределение по фронту более равномерным: во второй половине сентября на правом берегу находились семь с половиной пехотных и две кавалерийские дивизии, на левом — восемь пехотных дивизий. Однако поскольку протяженность блокадного фронта на правом берегу была существенно больше, плотность войск по-прежнему была выше к западу от крепости¹⁵. Немедленно после начала блокады немецкие солдаты приступили к строительству обширной системы полевых укреплений, которая в течение сентября становилась все более мощной.

В этой связи прорыв непосредственно на запад практически не рассматривался французским командованием. В основе планов наступательных действий 26 и 31 августа лежала идея прорыва на север по правому берегу Мозеля в направлении крепости Тьонвиль, остававшейся в руках французов. Оттуда предполагалось двинуться вдоль бельгийской границы на соединение с Мак-Магоном. Сам по себе этот план был крайне рискованным — вероятность того, что преследователи попросту прижмут

растянувшуюся на марше Рейнскую армию к границе и заставят принять бой в невыгодных условиях, оказывалась очень велика. Ряд авторов, в том числе Войде, даже писали о том, что немцам следовало выпустить Базена из Меца на север: «Стоило только немцам не препятствовать движению Базена к Тионвиллю, чтобы покончить с ним в ближайшие дни»¹⁶.

Как бы то ни было, после Седана прорыв в северном направлении окончательно утратил всякий смысл. Столь же бессмысленным был бы прорыв на восток — навел бы хаос в немецком тылу, Рейнская армия оказалась бы в стратегическом тупике и была бы обречена на гибель. Наиболее многообещающим оказывалось южное направление — в сторону неоккупированной части Франции и формирующихся там новых армий.

Именно такой прорыв — на юг по правому берегу Мозеля — Кунц считал вполне выполнимым как минимум в период с 27 августа по 1 сентября. По его мнению, французы могли сковать боем части I-го и VII-го прусских корпусов и отойти основными силами в направлении на Шато-Сален. Французская кавалерия могла держать на почтительном расстоянии прусских конников, а сильные пехотные арьергарды — задерживать преследователей достаточно долгое время. Большие потери при этом были, разумеется, неизбежны, однако до 100 тыс. человек могли прорваться на Луару и сформировать там ядро новой армии, значительно более боеспособной, чем созданные в реальности вооруженные силы республики. При этом в Меце остался бы сильный гарнизон, который продолжал бы сковывать значительную немецкую группировку¹⁷.

Нельзя сказать, что немецкое командование не осознавало этой опасности. 7 сентября ставка принца Фридриха Карла была перенесена в район к югу от Меца, а уже упомянутая выше перегруппировка сил в течение сентября сделала прорыв, по мнению Кунца, бесперспективным. Однако насколько высоки были шансы на успех в конце августа?

Сам Кунц признает, что для достижения успеха от французских войск потребовались бы «большие марши» протяженностью 40–50 км в день¹⁸. Однако именно с организацией маршей дела в императорской армии обстояли весьма печально. Даже без какого-либо воздействия со стороны противника передвижение войск происходило весьма медленно. Помимо плохого управления со стороны командных инстанций и постоянных заторов

на дорогах, одной из главных проблем было снабжение. Как писал Н.П. Михневич, «французские войска в течение всей войны голодали, воюя в своем отечестве»¹⁹ — система реквизиций была налажена из рук вон плохо. Возможность снабжения прорывавшейся армии боеприпасами также вызывала вопросы — было очевидно, что большие обозы и быстрый темп движения несовместимы. Железные дороги в данном случае не могли служить подспорьем: из Меца на юг Франции вела лишь одна линия через Нанси и Эпиналь; она проходила по территории, уже занятой противником, и нет никакого сомнения, что немцы постарались бы вывести ее из строя при приближении Рейнской армии.

Если исходить из реальных возможностей французских войск, наиболее вероятным представляется вариант, при котором преследователи смогли бы настичь Базена до того, как его армия оказалась бы в безопасности. При приближении немцев перед французским командующим встал бы непростой выбор: либо прекратить отступление, чтобы успеть сосредоточить Рейнскую армию для боя, либо пожертвовать значительной частью своих солдат, чтобы дать спастись хоть кому-то. Именно такой точки зрения придерживался Михневич: «Если прорыв сделать удастся, то далеко от крепости прорвавшаяся армия не уйдет и ей на следующий день предстоит бой с сосредоточившейся блокадной армией, и только при условии полной победы в этот день прорвавшаяся армия получит свободу для движения»²⁰. Учитывая упомянутые выше особенности французского командования и более высокий боевой дух немцев, вероятность «полной победы» представляется более чем сомнительной.

С каждым днем блокады перспективы прорыва на юг становились все более туманными. «Мог ли Базен надеяться разбить немцев или, по меньшей мере, одержать какой-нибудь начальный крупный успех, который послужил бы для него исходною точкою к дальнейшим операциям? Ответ будет утвердительный» — писал Войде²¹. Однако за «начальным успехом» следовало самое сложное — долгий и трудный марш под постоянным воздействием противника. В этой ситуации едва ли не самым мудрым решением со стороны Базена было бы разделение прорвавшихся сил на несколько частей, которые отходили бы в разных направлениях; это позволило бы существенно ускорить движение и затруднило бы немцам преследование, однако в то же время повысило бы вероятность дезорганизации и распада. Вполне возможным

представляется вариант, при котором до бассейна Луары добрались бы осколки Рейнской армии, которые могли быть использованы при создании новых формирований, но не имели непосредственной боевой ценности.

Это, конечно, было бы предпочтительнее бесславной капитуляции. Однако нужно иметь в виду, что вместе с прорывом Базена у немцев автоматически исчезала необходимость держать в районе Меца мощную блокадную армию. Даже если бы в крепости остался в полном составе один из французских корпусов, для наблюдения за ним вряд ли было бы оставлено больше четырех-пяти пехотных дивизий. Основная часть группировки принца Фридриха Карла была бы готова к операциям к югу от Парижа — причем, в отличие от остатков Рейнской армии, в совершенно боеспособном состоянии.

Конечно, теоретически был возможен энергичный прорыв блокадного кольца на одном участке, разгром сосредоточенными силами части блокадной армии и последующий стремительный отход на юг. Однако для этого нужна была другая армия, с другими командующими, офицерским корпусом и системой снабжения. Реальная Рейнская армия в сентябре 1870 г. практически не имела шансов на сколько-нибудь успешный прорыв из Меца. К началу октября даже пробить брешь в немецком блокадном кольце стало практически невыполнимой задачей.

Разумеется, нельзя говорить о том, что пассивное выжидание было лучшей стратегией для Базена. Проблема в том, что хороших вариантов у французского командующего после боев 14–18 августа и капитуляции Шалонской армии просто не было. Говоря словами современного историка, «катастрофа при Седане определила судьбу Базена»²². Маршал Базен не мог спасти Францию, и обвинять в этом лишь его одного было бы несправедливо.

---

¹ Hatzfeldt P. Briefe des Grafen Paul Hatzfeldt an seine Frau. Leipzig, 1907. S. 43.

² Howard M. The Franco-Prussian War. L., 2005. P. 223.

³ Scherff W.v. Kriegslehren in kriegsgeschichtlichen Beispielen der Neuzeit. H. 4. Berlin, 1896. S. 282.

⁴ Steinbach M. Abgrund Metz. Kriegserfahrung, Belagerungsalltag und nationale Erziehung im Schatten einer Festung 1870/71. München, 2002. S. 57.

⁵ Hohenlohe-Ingelfingen K. zu. Letters on strategy. Vol. 2. L., 1898. P. 6.

⁶ Kunz H. Konnte Marschall Bazaine im Jahre 1870 Frankreich retten? Berlin, 1896.

⁷ Ibid. S. 168.

⁸ См., напр.: Virtual history: alternatives and counterfactuals / Ed. by N. Ferguson. N.Y., 1997.

⁹ Lebow R.N. Forbidden fruit. Counterfactuals and international relations. Princeton, 2010. P. 54–57.

¹⁰ Войде К.М. Победы и поражения в войне 1870 года и действительные их причины. Опыт критического описания Франко-германской войны до Седанской битвы включительно. Т. 1. Варшава, 1889. С. 7.

¹¹ Kretschman H. Kriegsbrieft aus den Jahren 1870/71. Stuttgart, 1904. S. 91.

¹² Steinbach M. Op. cit. S. 57.

¹³ Barry Q. The Franco-Prussian War 1870–71. Vol. 2. Solihull, 2007. P. 85.

¹⁴ Moltkes Militärische Werke. T. I. Moltkes Militärische Korrespondenz. Bd. 3. Aus den Dienstschriften des Krieges 1870/71. Berlin, 1897. S. 236.

¹⁵ Scherff W.v. Op. cit. S. 247.

¹⁶ Войде К.М. Указ. соч. Т. 2. Варшава, 1890. С. 132.

¹⁷ Kunz H. Op. cit. S. 147.

¹⁸ Ibid. S. 141.

¹⁹ Михневич Н.П. Значение Германо-Французской войны 1870–71 г. в истории военного искусства. Ч. 1. Стратегия. СПб., 1892. С. 398.

²⁰ Там же. С. 439.

²¹ Войде К.М. Указ. соч. Т. 2. С. 120.

²² Ascoli D. A day of battle. Mars-la-Tour 16 August 1870. Edinburgh, 2001. P. 303.